

Глава 8

"Учитель Шэнь, доброе утро!"

Чжоу Цзяи выскочил из машины и тут же бросился бежать к воротам детского сада; следом, неся его маленький рюкзачок, шёл Чжоу Цзыфэй.

Услышав голос мальчика, Шэнь Цзя наклонился — глаза над маской изогнулись в улыбке.

"Доброе утро, И-и."

Взгляд Чжоу Цзыфэя задержался на маске, скрывавшей всё лицо Шэнь Цзя ниже глаз. Но зрение у него было отменным, а лицо Шэнь Цзя он знал так хорошо, что сразу заметил неладное.

Уголки глаз покраснели, веки слегка припухли. Пряди волос закрывали щёки, но стоило Шэнь Цзя наклониться и снова поднять голову, как на левой щеке на миг открылся клочок кожи.

Гладкой, точно нефрит, кожи — с неярким красным отпечатком, похожим на след от пощёчины.

Внешне Чжоу Цзыфэй ничем не выдал себя, хотя внутри уже поднималась глухая злость. Он лишь помог Чжоу Цзяи закинуть рюкзак за спину и спросил, будто невзначай:

"Учитель Шэнь, а почему вы сегодня в маске?"

«Его ударили?»

«Юй Сянхан? Или кто-то другой?»

«Знал бы — не стал бы снимать слежку»

"А... я немного простудился, вот и..."

Шэнь Цзя машинально коснулся маски, убедился, что та на месте, и только тогда выдохнул спокойнее.

Услышав его глухой, будто из-под ватного одеяла, ответ, Чжоу Цзыфэй помрачнел.

«Врёт. Опять врёт»

"Вот как?"

"Хоть на дворе и лето, учителю Шэнь всё равно не стоит переохлаждаться."

Голос Чжоу Цзыфэя прозвучал чуть строже — почти так, как отчитывают ребёнка.

У Шэнь Цзя от смущения загорелись уши: обычно эти слова он сам говорил детям в саду, и вот теперь их произнёс Чжоу Цзыфэй, который был младше него. Шэнь Цзя тихонько кашлянул, кивнул и, слегка сконфузившись, буркнул под нос:

"Угу."

Проводив взглядом Шэнь Цзя и Чжоу Цзяи, скрывшихся за воротами детского сада, Чжоу Цзыфэй тут же стёр с лица лёгкую улыбку. Взгляд его похолодел; с абсолютно бесстрастным выражением он сел в машину и набрал номер.

"Подними записи с камер. Посмотри, кто приходил к Шэнь Цзя после того, как я в тот день уехал."

Машина так и осталась стоять на месте. Он барабанил пальцами по колену — со стороны спокойный, собранный, — но внутри у него уже всё горело.

Ему нужно было немедленно узнать, что случилось с Шэнь Цзя. Он думал, что после развода с Юй Сянханом жизнь того постепенно наладится, он же сам видел — Шэнь Цзя в последнее время стал чаще улыбаться. Но сегодняшний вид его словно запоздалая пощёчина отрезвил Чжоу Цзыфэя от собственной самонадеянности.

«В делах, касающихся Шэнь Цзя, нельзя проявлять ни капли беспечности, ни малейшей надежды на авось»

Это была красная мэйхуа, за которой нужен неустанный уход и постоянная забота. Пусть её живучесть велика, и она вряд ли засохнет сама по себе, — но яростный ветер, внезапный снегопад, да и чужие руки, что тянутся к ней, привлечённые ароматом, чтобы сорвать цветок, — всё это способно лишить её того яркого цвета, которым она должна сиять.

Люди под его началом работали быстро — через считанные минуты Чжоу Цзыфэю пришло сообщение.

Раздался громкий удар. Прохожие, ничего не понимая, обернулись на припаркованный чёрный «Ягуар».

За плотно закрытыми стёклами на виске Чжоу Цзыфэя вздулась вена, зубы были стиснуты до

боли, а рука с телефоном только что впечаталась в руль.

Ненависть и ярость залили его глаза кровью, в висках стучало, и на одно короткое мгновение в нём вспыхнуло откровенное желание убить.

«Не стоило мне тогда доверять Юй Сянхану»

«Знать бы, что за шесть лет он так и не сумеет разобраться с этим отребьем, что продолжит исправно переводить деньги этому паразиту, позволяя мусору вроде Шэнь Цяньлуна преспокойно жить на свете, — он взялся бы за дело сам»

«Юй Сянхан обещал, что Шэнь Цзя больше не придётся жить в вечном страхе, а вместо этого снова толкнул его прямо в лапы этого человека. Если он не способен защищать и оберегать Шэнь Цзя всегда — значит, Чжоу Цзыфэю следовало раньше найти способ развести их»

«Подослать кого-то, чтобы соблазнить Юй Сянхана, устроить фиктивное недоразумение — неважно, каким путём, но нужно было раньше увести Шэнь Цзя от него к себе»

Но вдруг Чжоу Цзыфэй с размаху ударил себя по лицу.

«Нет. Виноват во всём только я сам. Это я проявил беспечность»

«Мне следовало охранять Шэнь Цзя без единой щели, без единого просвета. Кто бы ни находился рядом с ним, я обязан был неусыпно следить за каждым мгновением его жизни, ограждать его от любой беды»

«Раз такое случилось — значит, я до сих пор недостаточно им дорожу, недостаточно тщателен»

Он небрежно стёр кровь с уголка рта и повернул голову к воротам детского сада.

Как раз шла утренняя зарядка. Сквозь стекло машины он привычно, не задумываясь, отыскал взглядом место, где обычно стоял Шэнь Цзя.

Высокий, стройный, но с линиями тела мягче, чем полагается мужчине, — завязки фартука перехватывали его тонкую талию, а прямые длинные ноги были особенно заметны.

Раскинув руки, Шэнь Цзя вёл детей в упражнении на скручивание корпуса; утреннее солнце ложилось на него, окутывая всю фигуру ярким сиянием.

Когда Шэнь Цзя закончил зарядку и, хлопнув в ладоши, позвал детей обратно в класс, ярость Чжоу Цзыфэя понемногу утихла.

Он опустил стекло, поднял левую руку и, разделённый расстоянием и воздухом, кончиками пальцев обвёл в воздухе силуэт удаляющейся спины.

"То, с чем не справился Юй Сянхан, — тихо пробормотал Чжоу Цзыфэй, — теперь сделаю я."

Он тронулся с места лишь после того, как Шэнь Цзя окончательно скрылся из виду.

Шэнь Цзя снял маску и взглянул на своё отражение в зеркале — красный след заметно побледнел, теперь он почти ничем не отличался от обычного лица, только при прикосновении всё ещё саднило.

Подумав, он всё же снова надел маску: до конца занятий осталось совсем немного, можно потерпеть, а дома он намажет чем-нибудь.

"И-и, дядя ещё не приехал?"

Детей в саду становилось всё меньше, и Чжоу Цзяи снова грозил остаться последним, кого заберут.

Услышав вопрос Шэнь Цзя, мальчик поднял руку с детскими смарт-часами, чтобы учитель послушал голосовое сообщение от Чжоу Цзыфэя.

"Чжоу Цзяи, дядя сегодня приедет на двадцать минут позже, привезёт тебе вкусненькое. Будь умницей, стой рядом с учителем Шэнь, никуда не убегай. Я уже с ним договорился."

Из часов раздался голос Чжоу Цзыфэя. Только тогда Шэнь Цзя вытащил телефон и заметил сообщение в WeChat, отправленное полчаса назад: Чжоу Цзыфэй писал, что задержится, и просил присмотреть за племянником.

Шэнь Цзя тут же ответил: "Хорошо" — от первоначального недовольства и досады не осталось и следа.

За время общения Шэнь Цзя успел понять: Чжоу Цзыфэй вовсе не из тех безответственных родителей. Он часто списывался с ним, интересуясь делами племянника; раз мальчик так к нему привязан, он всегда забирал его лично, никогда не поручая это кому-то ещё, — и если порой задерживался из-за работы, то это было вполне объяснимо.

К тому же Шэнь Цзя и сам очень любил Чжоу Цзяи, так что возможность провести с малышом чуть больше времени только радовала его.

Шэнь Цзя присел вместе с Чжоу Цзяи у горки, повторил с ним разученную сегодня песенку и стихотворение, вымыл ему яблоко. Не успел мальчик доесть его, как торопливо подоспел Чжоу

Цзыфэй — в руках у него оказался термос.

"Дядя! Это мне вкусненькое?!"

Чжоу Цзяи радостно бросился к нему, но Чжоу Цзыфэй ладонью придержал его маленькую голову, останавливая порыв, и с таинственным видом ответил:

"И да, и нет."

Шэнь Цзя тоже поднялся, протянул Чжоу Цзыфэю рюкзачок мальчика и с улыбкой сказал:

"Сегодня И-и был очень послушным: пел громко, стихотворение выучил быстро. Да, я только что помыл ему яблоко, так что вечером он, возможно, будет есть поменьше."

Чжоу Цзыфэй принял рюкзак, но не спешил уходить — вместо этого с улыбкой протянул термос вперёд, показывая, что тот предназначен Шэнь Цзя.

Шэнь Цзя опешил, растерянно моргнул, глядя на него непонимающе.

"То, что И-и такой послушный, — заслуга учителя Шэнь. Поэтому я привёз вкусненькое не только ему, но и вам."

"Мне?"

"Ну да. У учителя Шэнь ведь простуда, я слышал, голос у вас хриловат — вот и сварил немного отвара из груши и рябчика. Немного, всего полчашки."

Чжоу Цзыфэй по-прежнему улыбался — той самой улыбкой, которую Шэнь Цзя видел у него постоянно: уголки губ едва заметно приподняты, глаза чуть прищурены, под ними — заметные припухлости, придающие лицу что-то беспечное и мальчишеское.

"Ты..."

От этого внезапного, но такого заботливого жеста Шэнь Цзя на мгновение потерял дар речи и просто смотрел на молодого рыжеволосого мужчину перед собой.

Горло у него и правда болело. Вчера, заставляя себя вырвать, он раз за разом царапал горло пальцами, и утром, проснувшись, даже почувствовал во рту слабый привкус крови.

К тому же сегодня он весь день провёл с детьми, и теперь при каждом глотке ощущал резкую боль.

Он не обращал на это внимания — вернее, сознательно позволял этой боли оставаться, потому что хотел через неё помнить о том вреде, что причинил ему Шэнь Цяньлун, помнить, что перед этим человеком нельзя проявлять слабость и отступать.

Но он и представить не мог, что Чжоу Цзыфэй примет столь незначительную мелочь близко к сердцу и специально после уроков привезёт ему отвар из груши и рябчика.

В глазах Чжоу Цзыфэя без всякой утайки читалась забота, смешанная с лёгким ожиданием и почти детским желанием получить похвалу. Эта живая, искренняя открытость вдруг вызвала у Шэнь Цзя желание сбежать.

«Я не заслуживаю такого искреннего внимания. Я весь в шрамах, я скрываю то, что стыдно показать, я ношу в себе раны, оставленные собственными руками —»

«Разве могу я всё ещё быть достоин чьих-то ожиданий?»

Шэнь Цзя приоткрыл губы, готовые вот-вот произнести слова отказа, но в этот момент Чжоу Цзыфэй уже отвинтил крышку термоса.

Первым делом взгляд наткнулся на слой обсыпанных белой сахарной пудрой ягод боярышника — крупных, налитых, ярко-красных, сваленных горкой; один их вид пробуждал аппетит.

Но Шэнь Цзя уловил и другой аромат — сладкий запах леденцового сахара и груши.

"Чжоу Цзяи, можно я отдам учителю Шэнь пару-тройку шариков из боярышника, которые привёз тебе?"

Чжоу Цзыфэй достал из кармана чистую салфетку и, обернув ею руку, вынул несколько шариков боярышника с самого верха термоса, затем наклонился и спросил мнения племянника.

Чжоу Цзяи закивал, показывая, что ничего не имеет против, но, получив в руки белую салфетку с завёрнутыми в неё шариками, недоверчиво нахмурился, пересчитывая их: что-то в этом определённо было не так.

"Учитель Шэнь, Чжоу Цзяи разрешил вам съесть шарики боярышника, так что берите."

Видя, что Шэнь Цзя всё ещё молчит, Чжоу Цзыфэй сразу сменил тактику: больше он не упоминал отвар из груши и рябчика, будто весь этот термос с самого начала оказался здесь лишь потому, что Чжоу Цзяи захотел поделиться сладостями с учителем.

Он прямо вложил синий термос с чёрной крышкой в руки Шэнь Цзя и, убедившись, что тот

держит его крепко, с улыбкой махнул рукой:

"Учитель Шэнь, до завтра."

Затем велел племяннику попрощаться с учителем и уже развернулся, чтобы уйти.

"Погоди... Цзы... Цзыфэй—"

Шэнь Цзя выбежал за ворота и окликнул Чжоу Цзыфэя, уже направлявшегося к машине. Произнося его имя, он невольно запнулся, но эти два слога всё же заставили того остановиться.

Чжоу Цзыфэй усадил племянника в машину и закрыл дверцу. Теперь на вечерней улице остались стоять лицом к лицу только они двое.

Закатное небо было алым, как кровь, — совсем таким же, как в день их первой встречи два месяца назад.

Шэнь Цзя поднял руку и снял маску. Сперва он опустил взгляд, ресницы дрогнули вниз, губы нервно сжались. Взгляд Чжоу Цзыфэя задержался на изгибе его верхних век, на длинных ресницах, соскользнул к маленькому, аккуратному кончику носа и дальше вниз — к губам, что сжались и медленно разомкнулись снова.

Обычно бледные губы от этого движения слегка порозовели; глядя сверху вниз, Чжоу Цзыфэй видел, как пухла их середина — будто сами собой они тянулись за поцелуем.

В конце концов его взгляд остановился на всё ещё чуть припухшей левой щеке Шэнь Цзя.

"Цзыфэй, спасибо тебе за подарок, но... в следующий раз не нужно так делать, ладно?.."

Отказ Шэнь Цзя прозвучал мягко, и для человека вроде Чжоу Цзыфэя, чьи мысли давно занимал он один, это прозвучало почти как кокетство пополам с сопротивлением.

"Мы... мы же просто друзья, ты... не обязан быть со мной таким добрым, впредь—"

"Учитель Шэнь, — вдруг перебил его Чжоу Цзыфэй. Он поднял правую руку, легонько коснулся указательным пальцем левой щеки Шэнь Цзя и тут же убрал руку, прежде чем тот успел среагировать. Медленно, но твёрдо он произнёс: — Люди меняются. Хорошо сейчас — не значит, что будет хорошо потом."

"Но я не изменюсь никогда. Я и не менялся ни разу."

Взгляд Чжоу Цзыфэя был лёгким и в то же время бездонно глубоким, тягучим, — будто за этими короткими фразами скрывались ещё тысячи невысказанных слов, которые он в итоге проглотил, оставив все несказанные чувства именно на этом рубеже.

Так же, как и палец, коснувшийся щеки Шэнь Цзя, — лишь мимолётное прикосновение, за которым угадывалось столько смыслов, но он предпочёл отдёрнуть руку сразу же, так что Шэнь Цзя почти готов был поверить, будто то мимолётное тепло ему просто почудилось или было случайностью.

Шэнь Цзя не понимал ни взгляда Чжоу Цзыфэя, ни того, зачем тот вдруг сказал такие слова.

Растерянно и озадаченно посмотрев на него, он лишь спросил:

"Что?"

Чжоу Цзыфэй улыбнулся:

"Ничего. Просто хотел сказать — если я с кем-то дружу, то люблю заботиться о нём во всём, до последней мелочи."

Шэнь Цзя моргнул и неуверенно спросил:

"Ты... ты со всеми друзьями так же добр?"

«Подвозит по пути домой, помогает нести вещи, а стоило обмолвиться о недомогании — сразу же привозит целебный отвар...»

«Друзья... разве бывают такими хорошими?»

"Не совсем. Просто рядом с таким другом, как учитель Шэнь, мне хочется заботиться немного больше."

"В конце концов, друзья ведь бывают разными — просто друзья и близкие друзья, разве нет?"

Кажется, Шэнь Цзя начал понимать: значит, Чжоу Цзыфэй хочет стать его близким другом?

"Но... почему?"

Долгое время Шэнь Цзя жил в постоянных сомнениях в себе самом. Ему казалось, что на всём свете не найдётся человека, который был бы к нему так же добр, как Юй Сянхан, — даже среди друзей такого не бывает, а уж тем более среди «близких друзей», которых у него никогда

прежде не было.

Чжоу Цзыфэй помолчал немного, а затем произнёс:

"Учитель Шэнь, вы, наверное, не осознаёте: эта доброта не потому, что особенный я, а потому, что особенный вы."

"Я... особенный?"

Шэнь Цзя растерялся ещё больше, а Чжоу Цзыфэй продолжал не спеша объяснять.

"Учитель Шэнь, вы очень хороший человек. Если родители задерживаются, вы неизменно ответственно приглядываете за ребёнком, и даже готовы за это отчитать опоздавших."

"Когда малознакомый человек говорит вам что-то бессвязное, вы всегда терпеливо и внимательно слушаете."

"Даже когда вам самому не очень весело, вы всё равно протянете руку незнакомцу, чтобы поздравить его с победой, и разделите его радость."

"Поэтому вы такой хороший. Когда кто-то добр к вам, не нужно спрашивать почему — достаточно просто принять это. Просто во многие моменты, которые вы сами даже не замечаете, вы уже успели отдать немало тому, кто был добр к вам."

"Шэнь Цзя, ты всегда был хорошим. Не тот, кто добр к тебе, особенный — особенный ты сам."

Голос Чжоу Цзыфэя был низким и глубоким, с той обволакивающей магнетичностью, с какой рассказывают самое сокровенное; неторопливое течение его речи окутало Шэнь Цзя невыразимой нежностью.

Это был первый раз, когда Чжоу Цзыфэй назвал его по имени — не «учитель Шэнь», а просто «Шэнь Цзя», — и всё же интонация и тон прозвучали настолько естественно, словно он произносил это имя уже тысячи раз прежде.

"Дядя... ты ещё не едешь?.."

Чжоу Цзяи опустил стекло машины. Услышав его голос, Чжоу Цзыфэй обернулся — и увидел, как мальчик вдруг широко распахнул глаза.

"Учитель Шэнь, а почему вы плачете?!"

Сердце Чжоу Цзыфэя ёкнуло; он резко повернул голову и действительно увидел — глаза Шэнь Цзя, неизвестно с какого момента, наполнились слезами, и одна капля, дрогнув, медленно покатилась по правой щеке.

"Уч-учитель Шэнь, не... не плачьте!"

"Дядя, это ты довёл учителя Шэнь до слёз?! Как ты мог заставить его плакать?!"

"Прости... простите, учитель Шэнь, простите, это всё моя вина, только не плачьте..."

Чжоу Цзяи сердито и без остановки кричал: «Дядя — злодей!», а Чжоу Цзыфэй в панике полез в карман за салфеткой — но все салфетки только что ушли на то, чтобы завернуть шарики боярышника для несносного племянника!

"Дядя, салфетка! Скорее вытри учителю Шэнь слёзы, ну же!"

Чжоу Цзыфэй взял у Чжоу Цзяи салфетку, даже не заметив, что на ней ещё оставалась сахарная пудра, и дрожащими пальцами потянулся к лицу Шэнь Цзя. Но стоило ему коснуться мягкой щеки, как тот сам перехватил его руку.

"Не нужно... я... просто вдруг стало немного тяжело на душе. А может, это от радости."

Глаза Шэнь Цзя изогнулись в улыбке, а слёзы одна за другой продолжали катиться вниз — но он всё же улыбался.

Изящные брови приподнялись, кончик носа порозовел, а на щеке появилась крохотная-крохотная ямочка. Не окажись Чжоу Цзыфэй сейчас так близко впервые, он бы и не заметил этой едва различимой ямочки на правой щеке Шэнь Цзя.

Милая, трогательная — будто крохотный отпечаток пальца на белом тесте.

"Спасибо тебе, Цзыфэй. В первый раз кто-то говорит мне такие слова."

"Спасибо, я... я правда очень..."

Шэнь Цзя не смог договорить — сердце его одновременно размякло, налилось теплом и сжалось от щемящей горечи.

Чжоу Цзыфэй ничего не ответил. Он лишь опустил взгляд, а затем медленно склонил голову; тёплое влажное дыхание коснулось лица Шэнь Цзя.

Шэнь Цзя замер. Он поднял взгляд на склонившееся к нему лицо Чжоу Цзыфэй, слёзы остановились сами собой, дыхание перехватило, и он видел лишь, как это лицо всё приближается и приближается.

Указательный палец снова коснулся его щеки — на этот раз крохотного участка кожи под правым глазом.

"Тут сахарная пудра."

В такой момент Чжоу Цзыфэй не сказал ничего больше — лишь эти несколько слов. Он поднял палец, показывая Шэнь Цзя белую пудру на подушечке.

Они стояли так близко, что Чжоу Цзыфэй улавливал лёгкий аромат стирального порошка от одежды Шэнь Цзя. Он уже собирался сказать что-то ещё, но тут—

"Ай, да просто вытереть можно! Дядя, ты ещё и пудрой недоволен!"

Эта неожиданная реплика разрушила повисшую между ними атмосферу. Чжоу Цзыфэй обернулся и свирепо зыркнул на племянника; тот втянул голову в плечи и поспешно поднял стекло обратно.

Когда Чжоу Цзыфэй повернулся обратно, прежний трогательный, залитый слезами вид Шэнь Цзя уже сменился другим — тот успел сам вытереть слёзы и теперь просто смотрел на него с лёгкой сияющей улыбкой.

"Цзыфэй, я обязательно выпью весь отвар из груши и рябчика до капли. А вы с И-и поезжайте домой."

"До завтра."

«До завтра. Да, завтра они снова увидятся»

«Спешить некуда — ведь Шэнь Цзя особенный, и ему нужно ещё больше терпения, ещё больше заботы»

«И искренность, которая не изменится никогда»